

Интересная штука — память. То молчит, то внезапно всколыхнётся и выдаст «на-гора» то, о чём думать-то не думаешь, а коль время прошло, то и не вспоминаешь. Так и на этот раз...

В один из январских дней, а был ядрёный мороз — более тридцати градусов с хиусом, волей случая оказался на берегу Енисея. Морозные клубы тумана, ворочаясь и кружа, поднимались над стылой, студёной водой. Ветер знобил, было жутко холодно, а когда изморозь с реки окутывала всего, то крайне хотелось в тепло. Но память вернула в прошлое, в юность...

Мне двадцать девять лет, и я директор совхоза, расположенного по берегам Енисея, причём одно отделение находилось на правом берегу, и попасть на него зимой было практически невозможно. Моста через реку нет, а в объезд — более ста семидесяти километров; но и это не главное, а то, что дорога проходила через закрытый город Красноярск-26 (Железногорск) и проезд к отделению был закрыт. Енисей после ввода в эксплуатацию Красноярской ГЭС в районе Кононово — Атаманово не замерзал, то есть ледовой переправы также не было.

Весной, летом, осенью больших проблем не было. Был катер «Ярославец» — «Красный пахарь», было две баржи, рядом Кононовская ремонтно-эксплуатационная база (РЭБ) флота, Кононовское лесничество, и судходного

транспорта хватало, чтобы перевести фураж для животных, лес, пиломатериал, семена, удобрения, продукты питания, да и всё другое, необходимое для жизнедеятельности трёхсот человек, жителей села Большой Балчуг, и животноводческой фермы с откормочной площадкой для крупного рогатого скота (бычки-герфорды).

Сложнее дело обстояло в зимние месяцы. Оставалось только одно: на моторной лодке, вне зависимости от природы, не менее двух раз в неделю, а то и чаще преодолевать студёный зимний Енисей до противоположного берега. С места пристани от конторы и до причала в селе Балчуг более тысячи метров, но это в летние месяцы. В зимние, несудоходные месяцы приходилось выбирать другие, более доступные места. Жгучая свинцово-студёная вода с шугой, морозный седой туман, на фарватере ничего, кроме крошечной клубящейся белизны, не видно, температура за тридцать, временами за сорок градусов, а переплываться надо, там ждут.

И здесь, конечно, надо отдать должное лодочнику (переплавщику) Николаю. Это был человек дела, мужественный и сильной воли человек, достойный настоящего уважения. Никогда и ни в чём он не подвёл никого на своём месте. В любую погоду — мороз не мороз, волна не волна, хиус не хиус, туман не туман — в назначенное время он с лодкой был всегда в условленном зимой месте. Уверенность и выдержка, природное чутьё позволяли ему безукоризненно водить в экстремальную погоду лодку, особенно зимой по Енисею. А ведь надо было переправлять не только директора совхоза, приходилось — жизнь заставляла — плавить вне зависимости от времени суток и погоды рожениц, детей, больных в больницу, а также жителей села с билетами на поезд или на самолёт.

Со стороны это казалось обыденным, рядовым, но каждое посещение отделения зимой в заречном Балчуге, переправляясь на обледенелой лодке через Енисей, было как полёт в космос: вернёшься или не вернёшься? Но об этом в то время и не думалось. Был подъём энтузиазма, вера в то, что это надо, что доверено руководство совхозом, где производство, люди, так что и мороз переносился по-другому, как-то мягче, да и помощники были надёжные. И сейчас, когда я

слышу, что это были годы застоя и ничего не делалось, — это чудовищная ложь! Работали, и ещё как работали!

Когда переправлялся на тот берег, там меня ждал маленький трактор с кузовом Т-16. Им пользовались при необходимости все сельчане отделения. Лошади были все закреплены на животноводстве. В кузовок всегда клали солому, чтобы не сидеть на железном полу, и транспортировали в село, это километра два. Дороги от временной переправы зимой как таковой не было. Была набита через лес в снегу колея, а к ней прибавлялся трескучий мороз. Лютые холода были в те годы зимой. Ледяной покров сковывал и становился на Енисее в январе месяце, причём ниже границ земель совхоза, в пределах посёлка речников Кононово. Но это были сплошные торосы, и ни о какой переправе по льду не могло быть и речи.

А зимний день короткий, надо было успеть побывать на животноводстве, переговорить с животноводами, посмотреть, как содержатся животные, в достатке ли корма, тёплая ли у них вода, есть ли запас угля в кочегарках, как дела на фуражном складе; побывать в пекарне, узнать, всё ли там в порядке, есть ли запас муки; забежать в магазин, справиться о продуктах первой необходимости; побывать на водонапорной башне, проверить её утепление, посмотреть пожарную машину и противопожарное оборудование; побывать в ремонтных мастерских, уточнить как идёт ремонт; по пути зайти в медицинский пункт, справиться о лекарствах; дать наставления и распоряжения управляющему отделением, бригадиру, механику и только после всего этого, уже по темноте, возвращаться на тракторе на переправу...

Особенно этот контроль был нужен в праздничные дни, субботы и воскресенья. А были дни, и такое бывало, когда самому, прибыв на отделение, приходилось кормить скот и бросать уголь в котельной... А там уже подступала ночь, морозный туман ещё мощнее укутывал и прятал Енисей в сплошную, как молоко, студёную взвесь. Руку протяни — ничего не видно, не говоря о противоположном берегу, где стоит и ждёт машина с включёнными фарами, но и её не видно... Темнота...

Но переправляться надо, моторка, глухо урча, отходит от берега и осторожно, на малых оборотах, словно крадучись,

рассекает воды Енисея. Холодная свинцовая вода плещет в борт лодки, ледяные брызги, как иголки, долетают до лица, борта начинают обледеневать, медленно проплывают небольшие льдины, жутким холодом несёт из чёрной глубины. Случись что-нибудь — собьёшься в тумане с курса, льдина или топляк внезапно ударит в лодку и пробьёт борт — никто не поможет. Енисей... течение... глубина, сплошной свинцовый туман, и среди реки в седом морозе — лодка. Больше никого на реке нет.

Но всё хорошо, что всегда хорошо кончалось, и в этом, конечно, заслуга, многолетний опыт и отвага переплывщица Николая. Погревшись в машине, лодочник возвращался, кутаясь в накинутый поверх полушубка плащ, обратно через мглу и мороз на другой берег Енисея, к себе домой в Балчуг. А я, проводив его и дождавшись, пока затихнет урчанье и гул моторки, отогревшись, возвращался к себе, где меня тоже ждали. На вопрос жены: «Как дела?» — всегда отвечал, что всё нормально, ездил по делам в район или в Кононово к речникам в ремонтные мастерские. О Енисее, о переправе старался не рассказывать — ни к чему. Куда в такой мороз поедешь? На этом вопросы заканчивались...

И так было все три года, три зимы. Обычно на мои вопросы на берегу лодочнику, как он всё это зимой переносит и что он настоящий герой, Николай смущённо отмахивался рукой и, нахлобучив шапку на лоб, бурчал, что никакой он не герой, а с молодости привык, свыкся с рекой, и ни на какую другую работу его не тянет, да он и не пойдёт. А вот просьба у него есть: новую лодку не мешало бы приобрести.

Со временем, к весне, мы его просьбу исполнили. Сам же Николай, продолжая работать, как всегда, простодушно ворча на усаживающихся в лодке, достойно нёс свою вахту на вверенном ему участке. Много уже времени прошло с той поры, но ничего не забыто: перед глазами могучий Енисей, далёкий дымчатый берег, мороз с хиусом и Николай в лодке, причаливающий к льдине у берега.

Теперь можно об этом рассказать, да и Енисей напомнил — разбередил душу...